

- Они стали хвастаться родной сестрою:
«Есть у нас сестра, есть Настасьюшка;
15 Её буйные ветры не завесили,
И красное солнышко не запекло,
И люди добрые не выдывали».
Тут сидел Алёша Попович млад,
Он окликнул Бородовичей:
20 «Вы не хвастайтесь родною сестрой;
Я-то видел вашу сестру да Настасьюшку
На босой ноге да без чобота богатого».
Тут Бородовичам за беду палось, за великий грех.
Они брали Алёшу да за частые кудри⁹,
25 Поднимали выше буйной головы,
Хотели ударить о дубовый пол
Да о скамейки белолиповы.
Тут Алёшенька им ответ держал:
«Поезжайте, братаны, к дому сестриному,
30 Зажмите гомулю снега белого,
Киньте гомулю Настеньке во высок терем, —
Тогда о ней всё узнаете».
Выходила Настася на бело крыльцо,
Говорила таково словцо:
35 «Что же ты, Алёшенька, не в пору пришёл
Да не вовремя?»
Скоро братаны с пиру придут со весёлого».
Приходили братаны ко белу крыльцу,
Забирали Настеньку за белы руки,
40 Повезли её в чисто поле суд вершить.
Вдруг услышали колокольный звон, —
Это ехал Алёша Попович.
Он взял Настеньку за белые руки
И повёз к церкви белокаменной,
45 Назвал её своею женой.
«А вас назову братьями»¹⁰.

Примечания

¹ Фольклорный архив Поморского гос. ун-та (ФА ПГУ), а/к № 218.

² В тетради № 149 главный герой только в заглавии и при первом упоминании назван *Ставром Годиновичем*, в дальнейшем последовательно употребляется форма *Годича*; Василиса именуется только *Микуличной*, а не *Микулишной*. В стихе 44 должно быть *во плен взяли*, а не *в плен*; в стихе 48 — *Василису увели*, а не *увезли*; в стихе 85 — *проиграл* вместо *и проиграл*; в стихе 98 — *передела женское платье*, а не *передела*.

³ Обычно — *во том ли*.

⁴ В других вариантах — *глубина*.

⁵ Зап. Н.В. Дранниковой в 2005 г. в г. Архангельске от Е.Е. Зориной, 1953 г.р., род. в с. Карпогоры Пинежского р-на Архангельской обл.; ФА ПГУ, ф. 14, видеокассета № 11.

⁶ Должно быть — *калик* (паломников).

⁷ Должно быть — *поляниц* (богатырей; иногда — женщин-наездниц).

⁸ Обычно — *порасхвастались*.

⁹ Индивидуальный эпитет. Обычно — *за желты кудри*.

¹⁰ Зап. О.В. Шубной в 2002 г. в д. Усть-Пинега Холмогорского р-на Архангельской обл. от А.Н. Няниковой, 1914 г.р., род. в Часовенском с/с Приморского р-на Архангельской обл.; ФА ПГУ, ф. 25, п. № 364, аудиокассета № 218.

Литература

1. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. СПб., 2002.
2. Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А.М. Астаховой. Т. 2. М.; Л., 1951.
3. Новиков Ю. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.
4. Федорова Л.В. Былины в записях Поморского педагогического университета // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30. СПб., 1999. С. 414—422.

Н.В. ПЕТРОВ

«Когда было добру молодцу время... а стало добру молодцу безвременье...» (некоторые наблюдения над временем в былинах)

Особенности изображения времени в средневековых (и в какой-то мере фольклорных) текстах позволили исследователям выделить его характеристики: стабильность, неотделимость от предметной наполненности, его неизменность, неподвижность, эпическую замедленность и продолжительность, его мифологичность, цикличность и ориентированность на прошлое [8]¹. При этом рассматриваются такие характеристики эпического времени, как соотношение с исполнительским временем, замкнутость (условность), сюжетность, воспроизводимость, однолинейность (необратимость), замедление и убыстрение и т.д. Перечисленные особенности эпического времени разнохарактерны. Эта неоднородность по большей части обусловлена сочетанием замкнутого «статического» времени эпохи эпических богатей и событийного биографического времени отдельных персонажей [13].

В данной статье предполагается проанализировать на синхронном срезе лексические и некоторые синтаксические способы выражения темпоральности в русской былинах; предметом интереса являются, скорее, не правила представления времени в былинах, а немногочисленные исключения и частности. Анализируемый материал — сплошная выборка из былинных текстов (около 500) уральско-сибирской и севернорусской традиций².

«Статическое» время былин

Жанровая особенность былин характеризуется своего рода «исторической достоверностью» описываемой эпохи (сказительский термин *старина*, *старина*³). Значение слова *старина* показывает отнесенность группы текстов данного жанра к так называемому сказительскому прошлому, которое в былинном мире принципиально устойчиво и гармонично.

Указание на определенную эпоху (статическое время) может проявляться в композиционно автономных и практически сюжетно не значимых элементах эпического текста: запевах, зачинах и концовках. Цель этих элементов — представление героя, места и времени изображаемых событий.

Запевы настраивают слушателя на определенное время:

Послушайте, вы, люди добрые,
Я ли вам да *старину*⁴ скажу,
Старину скажу да *стародавнюю* [9. № 42].

Как бы кто ещё сказал нынче про старое,
Про *старое* сказал нам да про *бывалое*,
Про того-де старого да Илью Муромца [20. Т. 2. № 114]⁵.

НИКИТА ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ, канд. филол. наук; Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)

Былинные концовки встречаются несколько реже зачинов: «Синему морю на тишину; / Всем добрым же людям на послушанье; / А по тихих мест старинка и покончилась; / То старина, то и дѣянье...» [9. № 2, 14 и пр.]. В концовки влетают формулы из арсенала сказочных средств («Тут и конец, а мне кривой жеребец» [6. № 22]). Так осуществляется переход из эпического прошлого в актуальное настоящее, в котором существует сказитель. При этом нарушается установка на достоверность, столь важная для эпоса, и происходит переход из одного повествовательного регистра, когда сказитель мыслит себя в былинном мире, в иной — актуальное настоящее.

«Время действия» и «время бездействия» в былине

В былине представлены почти все временные отрезки (год, месяц, неделя, час, минута):

Первый раз заиграл Соломан во турий рог,
Пять минут или десять помещкали,
 Потом просит заиграть во второй након <...>
 Прошло *времени* так, можот, *пять минут* ле *десяти*,
 Заиграл Соломан третьей раз —
 Налетели у Соломана слуги верныи
 [20. Т. 2. № 241, Соломан и Василий Окулович].

Садился тут Михайло в эту гробницу немалую,
 Опушали его да во сыру землю,
 Засыпали его да ведь желтым песком.
 Походило тому *времечки ровно три неделюшки*
 [14. Т. 1. № 39, Михайло Потык].

Они *по происшествии нескольких дней*, оседлавши своих
 богатырских коней, поехали гулять в чистые поля, но, *едя*
ровно три месяца, не нашли себе равного соперника. *Пятый*
месяц уже стал проходить, как увидели они одного прохожего
 [5. Прилож. 2. № 1: 235—238, Сказка о славном и храбром
 богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике].

А ише тут Добрынюша Микитиць млад
 А жил где-ка дома да *ровно десеть дней*,
 А на *одиннадцатой день* тут всё гулять пошол
 [20. Т. 3. № 32].

Играл Садко *сутки*, играл и *другие*,
 Да играл еще Садко и *трети* [17. № 134].

Три годы Добрынюшка стольничал,
 А *три годы* Никитич приворотничал,
 Он стольничал, чашничал *девять лет*,
 На *десятой год* погулять захотел
 По стольному городу по Киеву [9. № 26].

Часто происходит сужение временных отрезков, причем маркированным оказывается последний:

«Уж ты дай мне строку на *три часа!*» —
 «Да не дам тебе строку я на *полчаса!*» —
 «Уж ты дай-ко мне строку хоть *да два часа*
 Да доплыть мне до крутого славного бережку,
 Роспроститься ведь мне с землей-матерью!» —
 «Уж я дам тебе *строку нонь на един час!*»
 [20. Т. 3. № 13, Добрыня и Змей].

Да они ведь говорят да таковы слова:
 «Вы приедете к ему, князю, *скорѣхонько*,
 Он не мешкал шчобы, да князь, *ни день, ни два*,
Шчо ни день-то он, ни два, шчобы *ни полчаса*
 [4. № 50, Глеб Володьевич].

Если сюжетное действие менее конкретно или вообще отсутствует, то временные характеристики представлены эксплицитно, посредством номинаций временных единиц. Наиболее протяженны во времени самые обобщенные действия персонажа (поездка богатыря, ожидание мужа, сидение на печи и пр.).

При наличии кадрированности временные категории представлены в сюжете былины имплицитно, а повествователь помещает себя во временную рамку событий, детально описывая их (см. об этом подробнее [2]). Примечательна в этом отношении детализация временных отрезков в былине о Михайле Потыке. Потык наказывает змею принести живую и мертвую воду, змея просит последовательно три года, два, один, полгода; три месяца, два, один; неделю, три дня, два дня, один день, полдня, три часа сроку [14. № 52]. Детализация придает напряженность и драматизм повествованию и настолько продолжительна, что ее можно считать нововведением рассказчика.

Указание на время является средством замедления сюжетного действия (т.е. измеряется время, не занятое действием, а «пропущенное»). Реальный объем протекшего времени довольно большой, сказителям трудно заполнить его действием.

Последовательность временных периодов в былине состоит из нескольких единиц, обозначающих постепенное увеличивающиеся временные отрезки: день—ночь (сутки), день за днем (несколько дней), неделя за неделей (несколько недель) и, наконец, более определенное количество лет:

Они *день* едут по *красному по солнышку*,
 Они *в ночь* едут по *светлому по месяцу*.
 А ведь *день за днем* — как будто дождь дождит,
 А *неделя за неделей* — как река бежит;
 Да проходит *поры-времечки по год поры*,
 Да проходит *поры-времечки по два году*,
 Да проходит *поры-времечки по три году...* [7. № 134].

Б.Н. Путилов назвал такое время «условно-определенным», «когда сюжетное время оказывается связанным в повествовании с какими-либо условиями и от этого зависит ход событий» [19. С. 46]. Такое время ничем реально не заполнено, важен его исход — конец срока.

Ночь и *день* обычно встречаются в былине именно для обозначения смены периодов времени (т.е. сюжетно не значимы и реально не заполнены содержанием) и редко — для противопоставления разного времени суток:

Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
 Стоит сила татарская неверная,
 Сорок тысячей татаровой поганыих?
 Мостят они мосты калиновы,
 Днем мостят, а *ночью* я повырою:
 Из сил матушка Непра-река повыбилась
 [17. Т. 2. № 149].

В былинах нет четкого противопоставления *день—ночь*, но заметна оппозиция *светлый—темный*: *осенняя ночь* (как самое темное время) — *ночь, освещенная месяцем* — *светлый день*, которая, например, проявляется в описании героя и его антагониста: «Тугарин почернел, как *осенняя ночь*, / Алеша Попович стал как *светел месяц*» [9. № 20].

Некоторые формулы, в основе которых лежит указание на ночь как на реальное время, за которое надо совершить какое-либо действие, восходят к волшебной сказке. В этом отношении показателен пример из былины «Соловей Будимирович». Сооружая за одну ночь чудесные терема, герой тем самым проходит испытания перед свадьбой, так

хорошо знакомые волшебной сказке: «Только ты дай мне вагон земли / <...> Ко полуночи и двор спел» [9. № 1]. Также сказочным можно считать синонимичный мотив, когда Илья, чудесно излечившись, за одну ночь делает работу, которая «была на трое суток налажена, да вдвое больше» [20. Т. 2. № 418]. Со сказкой, вероятно, связан и запрет ложиться спать с женой в первую брачную ночь в море (сюжет «герой в подводном царстве»):

Как ляжешь спать во первую *ночь*,
Не твори с женой блуда во синем море:
Останешься навеки во синем море⁶
[17. Т. 2. № 134, Садко].

Ночь заполнена действием в тех сказочных, новеллистических сюжетах, которые наиболее часто черпают «строительный материал» из арсенала волшебной сказки: «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Сорок калик со каликою», «Алеша и сестра братьев Петровичей», «Соловей Будимирович». Можно предположить, что былина таким образом моделирует жанр сказки. Такие модели вполне вероятны для былины, если учесть, например, обращение былин к заговорным формулам:

Встает *рано-ранешонько*,
Утрен(н)ей зарею умывается,
Белаю ширинкаю утирается,
На восток он, Алеша, богу молится;
Тут скочила же Маринушка Кайдадьевна,
Брала тут ножище да кинжалище,
А стругает тут следочки да Добрынины,
Рыла тут во печку во муравлену
И сама же к следочкам приговариват:
«Горите вы, следочки, да Добрынины,
Во той было во печке во муравленой.
Гори-ко во Добрынюшке по мне душа!» [14. № 5] и пр.

Противопоставления времен года в былинах, на первый взгляд, просто нет, и фоном повествования является как бы «вечное лето» и «вечный день», что, впрочем, соответствует обычной гармоничности и идеальности эпической эпохи. Однако отсутствие противопоставленности сезонных периодов связано и с отсутствием измерения временной последовательности в категориях аграрных циклов [13].

Встречаются единичные исключения из этого правила, относящиеся как к отдельным сюжетам, так и к эпической традиции в целом. Что касается отдельных сюжетов, то зима, зимнее время связаны с сюжетами былин, повествующими о нарушении супружеской верности или прелюбодеянии девушки: «Алеша Петрович и братья Сбродовичи» — герой или братья кидают ком белого снега в окошко сестры⁷ и слышат, как девушка зовет героя в дом⁸, выходит на крыльцо в одной рубашке без пояса, в чулочках без чоботов, поднимает Алешу в свою комнату на полотенце через окно [4. № 93]. В зачине балладного сюжета о неверной жене «Чурило и неверная жена» герой уподобляется «беленькому заюшк» или «чернохвосту горностаю», прокладываящему следы по свежей «порохе снегу белого». В севернорусских текстах «Чурилы и Катерины» константно упоминается, что снег выпал не вовремя — либо слишком рано: «В осённом празднички Воздвиженьи / Выпадала пороха снегу белого», — т.е. 14 сентября (Пинеге [3. № 45]), либо слишком поздно (на Троицу): «Ай о вёшном было празднишки во Троици, / Нападала пороха снегу белого...» (Беломорье [4. № 87, также № 103]; на Благовещение, 25 марта (в кенозерско-каргопольской редакции). В печорских вариантах [7. Т. 2. № 153—164; 3. № 45] действие происходит в середине лета: «Ай выпадала пороха снегу белого, / И не во пору порошища, не вовремя, / Ай да *среди лета* — о Петрова дни...» — 29 июня. Обильный снегопад ранней осенью, поздней весной, а тем более летом — явление исключительное, но характерное для этого сюжета. Пейзажная зарисовка словно предваряет драматическое развитие событий и трагическую развязку былины. Интересно, что такого вступления нет в тех редакциях сюжета, в которых Чурило и Катерина изображаются как сниженные персонажи⁹. Как исключение можно отметить описание выпадения снега в сюжете былины о неверной жене «Иван Годиневич», когда Иван возвращается с добытой невестой в Киев:

Скоро молодцы те собираются,
А скоря тово пое(зд)ку чинят,
Поехали к городу Чернигову,
А и только переехали быстрова Непра,
Выпала пороха снегу белова,
По той по порохе, по белу снегу
И лежат три следа звериныя... [9. № 16].

Метафорическое время	Реальное время
<p>Отвечал ему тут Васенька Буслаевич: «А и гой еси, любимый да крестной батюшка, Знать, несет тебя сюда дак как лиха судьба, А я не дал тебе ле яица с <i>Христовы дни</i>, Так же дам же я тебе яица с <i>Петрова дни</i>!» — И ударил по колоколу осиищём [20. Т. 2. №. 242].</p> <p>И пришли во <i>братшину</i> в <i>Никол(ь)шину</i> [9. № 28].</p> <p>И стоит тут эта сила великая, Дожидают <i>осени</i> богатия, Богатия <i>осени</i> хлебородныя, Когда будет баран тучен, овес ядрен, Повырастут пшеницы белояровы: Тогда еще грозят заехати Во матушку во славну каменну Москву [17. Т. 2. № 135, Князь Роман и братья Ливики].</p> <p>Во те жары <i>петровския</i> Просился Добрыня у матушки: «Пусти меня, матушка, купатися» [9. № 48].</p>	<p>Во граде Киеве бысть при старосте, при великом князе Манамахе Владимировиче, был богатырь стар добре, больши ему девяноста лет. Да охочь был до потехи кречатные, не покинул он потехи и до <i>старости</i>. Лучилось ему выехат с красным кречятом на праздник на <i>усекновения чесныя главы Ивана Предотеи</i> [5. № 30].</p> <p>И как будет Ермак в каменной Москве, на <i>канун праздника Христова дня</i> <...> На другой стороне в такую ж оне печеру убиралися, И тут им было хорошо <i>зима зимовать</i>. Та зима проходит, <i>весна</i> настает, Где Ермаку путя искать? <...> Жили оне тут, казаки, с <i>весны до Троицова дни</i>... [9. № 14].</p>

Последовательную смену сезонов (зима—весна) представляют и зачины группы печорских былин «Данило Борисович» о герое — ходячем покойнике:

Выпадали-де *снеги* да, право, на горы,
Кабы эти-де *снеги* да испотаели,
Протекли-пробежали да *ручьи грубыи*,
А ле выпали-де ручейки на тихой Дон.
На тихом-де Дону, да на казачьем,
А ле жил ле Данило да сын Борисович
[20. Т. 2. № 265, 266].

Особое внимание былина уделяет времени, связанному с православным календарем. Здесь можно наблюдать две тенденции: либо время воспринимается как метафора, либо оно заполнено реальными событиями. Первая тенденция устойчива, вторая обнаруживается прежде всего в прозаических былинных пересказах (см. таблицу на с. 25).

«И пришли во братчину, во Никольщину» и паремийная конструкция «А я не дал тебе ле яйца с *Христовы дни*, / Так же дам же я тебе яйца с *Петрова дни*» встречаются в былинах, действие которых происходит в Новгороде («Василий Буслаев», «Садко»). Между тем в первом случае это не указание на конкретный праздник — Николин день, а просто субститут пира; во втором случае номинация праздников заменяет мотив недоверия героя к «крестному». В другой группе примеров, в которых так или иначе представлены сезонные праздники (или сам сезон), отражено реальное время. Однако реалистические мотивировки календарного времени в целом не свойственны классической былине.

В организации смены дней недели (их номинации) былина следует народной православной традиции. Отсутствуют понедельник, вторник и четверг, а *среды*, *пятницы*, *субботы* с *воскресеньями* включаются в повествование вместе с *заутренями* и *вечернями*:

Да дело-то ведь, братцы, деется:
Да во ту ли *во субботу великодѣнную*
Да приехал Дюк во свой Галич-град,
Да ушли ко *вѣчерни ко христовские* [14. Т. 3. № 225].

Также православная этическая норма — пост по пятницам и средам и прочие запреты, соблюдаемые верующими, представлены в сюжетах о «жене-изменнице»:

У нас жити-то добро, дак служить легко:
У нас *среды-то, пѣтнички* не постуют,
И *велики чатверги* у нас нечем зовут! [20. Т. 2. № 270].

Таким образом, помимо реальных временных промежутков, встречающихся в былине, следует учитывать невидимые на первый взгляд сюжетные функции маргинальных обозначений временных отрезков.

Примечания

¹ Времени в былине посвящены работы Д.С. Лихачева, С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова, Ф.М. Селиванова, Е.Б. Артёменко [1; 2; 10; 11; 12. С. 255—266; 13; 18; 19; 21].

² В основном это онежские, мезенские, кулойские, печорские, беломорские и уральские былины. Наряду с классическим эпосом анализируются прозаические переложения и пересказы былин.

³ Таким термином сказители сами обозначают границы жанра (включая туда попутно и исторические песни (чаще всего XVI—XVII вв.), баллады, скоморошины, некоторые духовные стихи — большинство из того, что можно пропеть былинным стихом).

⁴ Здесь и далее курсив мой. — Н.П.

⁵ Здесь и далее ссылки на тексты былин даются следующим образом: когда временная характеристика проявляется в вариантах определенного сюжета, данный сюжет указывается внутри квадратных скобок, после ссылки на издание; если она характерна для конкретной былины, то в квадратных скобках указывается только ссылка на издание.

⁶ Этот запрет, вопреки стандартным нарушениям запретов в эпосе, герой не нарушает.

⁷ «Зажимал я снегу да комы белого, / Бросал Олёнушки в окошечко...» [3. № 72]; «Закатали они ком снежку белого / Да шибали о стенощку о заднюю...» [3. № 81] и т.п.

⁸ Больше всего вариантов этой былины записано на Пинеге А.Д. Григорьевым — [3. № 54, 72, 78, 81, 83, 85, 97, 100, 104, 118, 128, 173], два — в Архангельско-Беломорском крае — А.В. Марковым [4. № 7, 93] и в сборнике А.Ф. Гильфердинга [14], на Печоре [15. № 3; 6. № 108, 124, 148], один — в Москве [16. Вып. 2. С. 64—66].

⁹ См. комментарий Ю.А. Новикова в [20. Т. 1. С. 752].

Литература

1. Артёменко Е.Б. Принципы организации народно-песенных текстов: былинное текстообразование // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 3. С. 57—68.

2. Артёменко Е.Б. Движение, пространство, время, событие в былинном эпосе // Черванёва В.А., Артёменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж, 2004. С. 143—170.

3. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910.

4. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

5. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. / Изд. подгот. А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.О. Скрипилю. М.; Л., 1960.

6. Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А.М. Астахова, Э.Г. Бородин-Морозова и др. М.; Л., 1961.

7. Былины Севера / Записи, вступит. ст. и коммент. А.М. Астаховой. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л., 1938; Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. М.; Л., 1951.

8. Гуревич А.Я. Что есть время? // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 151—174.

9. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. М., 1977.

10. Лихачев Д.С. Эпическое время русских былин // Сборник в честь академика Б.Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 55—63.

11. Лихачев Д.С. Время в произведениях русского фольклора // Русская литература. 1962. № 4.

12. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

13. Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18—45.

14. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. Т. 1. М.; Л., 1949; Т. 2. М.; Л., 1950; Т. 3. М.; Л., 1951.

15. Ончуков Н.Е. Печорские былины. СПб., 1904.

16. Песни, собранные П.В. Киреевским. Ч. 1. Вып. 1—4. М., 1860—1862.

17. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989—1990.

18. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

19. Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999. С. 46—50.

20. Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1, 2. СПб., 2001; Т. 3. М., 2003.

21. Селиванов Ф.М. Эволюция пространственно-временных характеристик эпического повествования: Былина о Соловье Будимировиче // Фольклор: проблемы историзма. М., 1988.